

— Ты двигаешься медленно, — сказала девочка своим странно певучим голосом. "Слишком медленно."

« Ты слишком быстр », — почти ответил Джон, но ему потребовалась вся его концентрация, чтобы просто следить за ее движениями. Дитя леса, Желудь, двигалась так плавно, что Джон едва мог поверить, что она существо из плоти и крови. Ее работа ног была выше совершенства, она как будто летела по воздуху.

В руке Джона Темная Сестра рубила наружу, разрезая низко, а затем высоко со зловещей грацией, но Желудь струился между его ударами с нечеловеческой легкостью. Темная сестра была лучшим клинком, который когда-либо держал Джон. Это был необычайно длинный и тонкий меч, такой же легкий и текучий, как Игла Арьи, но каким-то образом сильнее, чем он имел право быть. Обычный клинок такого размера должен был сломаться при первом же ударе, но почему-то Джон не думал, что смог бы сломать Темную Сестру, даже если бы попытался.

Темная Сестра, сказал зеленовидец. Джон знал это имя — Темная Сестра — это клинок, сформировавший Вестерос. Клинок самой Висеньи Таргариен, сестры-жены и правой руки Эйгона Завоевателя. От нее оно перешло к Мейегору Жестокому, затем к Деймону Таргариену, а от него к Эймону Таргариену, самому Рыцарю-Дракону. Ни один меч, кроме самого Блэкфайра, не сделал больше для создания Семи Королевств.

Несколько дней Джон не мог понять, как у зеленовидца могло быть такое оружие.

Лезвие было полностью из валирийской стали, из серо-черного металла, а обтянутая кожей рукоять казалась странно неукрашенной, несмотря на изящество меча. Это был древний грозный клинок с лезвием более острым и кровожадным, чем все, что он когда-либо знал — что-то в этом мече призывало к крови.

Однако, несмотря на свой меч, Джон все еще ужасно проигрывал.

Сначала он подумал, что дитя леса пошутило, когда предложила ему поединок. Так случилось, что Желудь был лучшим бойцом, которого Джон когда-либо видел.

Ей может быть больше тысячи лет, подумал Джон, описывая длинную дугу вниз. У Желудя могло быть больше боевого опыта, чем у всех воинов Ночного Дозора вместе взятых.

Дети леса были невысокими, тощими и худыми, с длинными конечностями и странным оленеподобным выражением лица, но они определенно не были слабыми. Они двигались с кошачьей грацией, с которой не мог сравниться ни один человек, а их рефлексы легко посрамили Джона. Природная скорость Желудя в сочетании с безупречным стилем и талантом означала, что Джон даже не смог ее догнать.

Джон не сомневался, что мог бы легко победить ее в армрестлинге. Тем не менее, он также знал, что Желудь могла так же легко разрезать ему кишки, если бы она действительно попыталась.

Дитя леса носило длинное копьё вместо меча. Копьё из чардрева с обсидиановым наконечником. Это было хрупкое оружие, но достаточно острое, чтобы пробить любую броню. Прямо сейчас Желудь почти не использовала его, уклоняясь от меча Джона. Когда она действительно атаковала, она использовала острие своего копья, и ее удары всегда попадали, несмотря на его защиту.

Они могут быть не больше детей, но они все еще хищники, подумал он. Ему вдруг вспомнилось, что у детей леса вместо пальцев когти.

«Держи ноги врозь и опусти плечи», — сказал Желудь. — Твой ствол все еще слишком слаб. Ты слишком легко падаешь, если пытаешься встать прямо.

Джон поморщился. Держи центр пониже, сказал он себе, глядя на нее лицом к лицу. Его левая нога была лучше, но все еще болела и хромала. У него будут проблемы с ездой на лошади, не говоря уже о бое. Недавно ему понадобилась трость даже для передвижения.

Джон рубанул вниз, но перестарался. Почти с упреком тупой конец копья Желудя постучал по его бедру. «Ты медленный, как великан, но без силы».

Джон ахнул, прежде чем опустить оружие. Он чувствовал себя истощенным. Последний раз, когда кто-нибудь так сильно побеждал его на дуэли, ему было семь лет. "Достаточно. Я уступаю."

"Урожай?" Желудь покачала головой, но все же опустила копье. «Мы тренируемся в бою, вы не должны практиковаться в уступках. Уступите холоду, и холод возьмет вас. Природа не сражается, пока не уступит, Снежный Король.

«Король Сноу», — отметил Джон. Все дети леса называли его так. Джон до сих пор не понял, почему.

Джон вздохнул, пытаясь отдышаться. — Где ты научился так драться?

«Мы называем это танцем леса. Когда-то мы использовали его для охоты, затем мы использовали его для боя. Я практиковал свой танец боевых мужчин столетия назад, но этого все равно было недостаточно».

«Я не могу себе представить, чтобы кто-то мог победить тебя в бою».

«Они не могли». Несмотря на тонкие черты лица, взгляд Желудя был жестким. «Но они убили моего брата, когда он спал. Они не могли убить меня, поэтому вместо этого отравили землю против нас. Они не могли сражаться с нами, поэтому они сожгли наши леса. Они убивали младенцев, моих детей, а затем убивали бойцов еще до того, как они успели воевать. Вы, мужчины, не сражаетесь честно; тебе не хватает силы великана, но ты всегда можешь компенсировать это хитростью и злобой».

Джон моргнул. — Эм... понятно. Наступила минута молчания. Джон чувствовал необходимость что-то сказать. «Я сожалею о вашей утрате».

— Не надо, — просто сказал Желудь. «Эта песня закончилась. Сейчас я танцую танец дерева в дань давно прошедшим циклам, как и скоро».

Она повернулась и ушла, не сказав больше ни слова. Джон моргнул. Это были странные создания, дети леса. Они не относились к Джону ни с чем, кроме доброты, но в них была и странная грусть.

Они говорили обо всем, что потеряли, и жили в печали. Мужчины не будут грустить, подумал про себя Джон, мужчины будут злиться. Мужчины ненавидели и клялись отомстить, а дети только оплакивали. Дети пели о своих потерях, а мужчины сражались и убивали за них.

С другой стороны , размышлял Джон, возможно, именно поэтому победили мужчины .

Джон глубоко вздохнул и, хромая, вернулся в тронный зал. Зеленовидец был в одном из своих снов, неподвижный, как мертвый.

— Ты возвращаешься, — пробормотал он, медленно открывая глаза при приближении Джона.
— Как проходит твоя практика?

«К сожалению. Дети — сильные бойцы, — сказал Джон с тихой гримасой.

— Нет, — грустно сказал зеленовидец. «Дети леса никогда не были бойцами. Были некоторые, которые были вынуждены сражаться, некоторые даже были поглощены борьбой, но в их сердцах детям никогда не предназначалось владеть оружием».

Глаза Джона сузились. Он остановился, протягивая лезвие. — Темная сестра, — сказал он. — Где ты взял этот меч?

«У меня была жизнь до того, как я приехал сюда, однажды. Темная Сестра была доверена мне давным-давно.

Джон колебался, пытаясь вспомнить уроки истории. «Темная Сестра — родовой меч Дома Таргариенов. Тот самый, которым владела королева Висенья.

Худощавый мужчина слегка кивнул. «У нее тоже есть история. Она долгое время была кровожадным клинком, и, честно говоря, я слишком долго пренебрегал ею.

Клинок, принадлежавший Эйгону Завоевателю. Как он когда-либо получить такую вещь? — Ты Таргариен? — потребовал Джон.

Был слабый пучок улыбки. "Нет. Я никогда не был Таргариеном».

— Тогда кем ты был?

— У меня было много имен, когда я был быстрым, но имя, которое дала мне моя мать, было Бринден, — тихо сказал зеленопровидец. — Но это имя уже мертво. Я отказался от имени, когда давал обеты».

Было так много вещей, о которых Джон хотел спросить. Бринден , подумал он, пытаясь вспомнить уроки мастера Лювина. Что-то тревожило его в глубине души. — Вы были побратимом?

"Один раз."

Осознание щелкнуло. — Кровавый вор, — сказал Джон, затаив дыхание. Бринден Риверс. Незаконнорожденный сын Эйгона Недостойного. Бывшая десница короля. Бывший лорд-командующий. Один из Великих ублюдков Таргариенов. «... Ты Кровавый Ворон».

"Один раз." Это все, что он сказал.

У Джона закружилась голова, когда он уставился на зеленопровидца в чардрефе. — Тогда вам, должно быть, больше ста лет. Вы были лордом-командующим. Кроваво-красный глаз просто пассивно смотрел на него. Он вспомнил, что Кровавый Ворон был внебрачным сыном Эйгона Четвертого . Узаконенная сволочь . Джон отвел взгляд, глядя на Темную Сестру. В голове Джона крутилось так много вопросов, но один из них требовал ответов больше других. — Зачем

ты дал мне этот меч?

— Потому что я надеюсь, что ты сможешь его использовать. Голос был таким тихим, что Джону пришлось напрячься, чтобы прислушаться. «Я поклялся вернуть его своей семье, когда мои часы подошли к концу, но теперь мои часы никогда не закончатся. Пока достаточно вопросов. У нас много дел и мало времени».

— Ледяной дракон, — сказал он.

«Ледяные Клыки терзаются штормами», — прохрипел зеленовидец. Джон не знал, откуда это знал Кровавый Ворон, но он не сомневался в словах зеленовидца. «Как только они исчезнут, вам придется выдвигаться, и быстро. У вас здесь меньше недели, и за это время вы многому научитесь».

Джон покачал головой. «Я едва могу ходить, я недостаточно силен...»

«Это место быстро исцелит тебя. Дети хорошо поют свои песни».

— А когда я найду дракона? — потребовал Джон. «Это дракон . Как я вообще могу его контролировать?»

«В прошлые века валирийцы использовали свою магию крови и огня, чтобы подчинить драконов своей воле. Эти искусства были утеряны, но, возможно, им можно научиться заново». Была пауза. «Я мало знаком с древним валирийским волшебством, но могу научить тому, что знаю. Я должен научить тебя, как открыть третий глаз, Джон».

— ...Ты хочешь, чтобы я повоевал с драконом?

"Да. Это одно слово».

Варгинг, как называли это свободные люди. Тормунд присвоил ему этот титул, но Джона это не устраивало. Он не сразу принял эту силу. Он знал, что может мечтать глазами Призрака, и он знал, что иногда ему казалось, что они с Призраком связаны непонятным образом.

Трехглазая ворона могла объяснить ему это. Он назвал это изменением кожи, способностью носить тела других существ и видеть их глазами. Это была странная сила, которую Джон не решался принять, но у него не было выбора.

Джон глубоко вздохнул, но выбора не было. Миру нужен был дракон, и Джон должен был его предоставить.

Чего бы это ни стоило , подумал Джон. Он думал о своей семье, своих братьях, сестрах, друзьях. Его побратимы, люди, с которыми он сражался. Игритт. Тормунд. Даже Манс. Для живых .

«Как я учусь?»

— Закрой глаза, — мягко сказал зеленовидец. «Вдохните глубже... Вдохните запах корней... Прислушайтесь к реке... Прислушайтесь к деревьям.... Это не столько вопрос обучения, сколько вопрос чувства ...»

Трехглазая ворона была терпеливым учителем. Он часами сидел над Джоном, медленно инструктируя его, как сосредоточиться. — Твой волк, — проинструктировала трехглазая

ворона. «Подумай о своем волке — сосредоточься на нем. Расстояние бессмысленно, сосредоточься...»

Джон провел весь день, пытаясь выступить посредником. Джону пришлось медитировать, чтобы соединиться с Призраком. Очевидно, сила чардрев облегчила переодевание в пещере, но на это все равно ушел почти целый день концентрации. Затем Джон почувствовал, как его зрение померкло. Сначала он думал, что засыпает от усталости, чувствуя, что падает...

А потом он почувствовал, что впадает в другую кожу. Внезапно Джон побежал по заснеженным обнажениям, приюхиваясь к холоду. Он увидел под ногами волчьи лапы. Призрак. Глядя глазами Призрака, чувствуя холодный иней на шерсти Призрака.

Ощущение было ошеломляющим. Волчьи сны еще никогда не были такими яркими — он словно владел волчьим телом.

Нет, это было больше похоже на то, что лютоволк и человек жили бок о бок в одном теле. Его разум затуманился, переполненный острыми запахами и чувствами волка.

Если бы рядом с ним не находился зеленовидец, вытащивший Джона и вернувший его в свое тело, то Джон мог бы забыться во второй коже.

Джон ахнул, падая обратно в пещеру. Лесные дети принесли ему свежее козье молоко и бледную рыбу, запеченную в масле. — Осторожно, — приказал зеленовидец. «Это опасная сила, даже при переходе на удобную кожу. Зайди слишком далеко, и ты потеряешь себя».

— Тогда как я могу его использовать? Джон задохнулся.

«С практикой. Отдыхай и ешь, Джон, тебе нужно многому научиться».

Ничего другого для этого не было. Он должен был использовать все время, которое у него было в этом месте. Трехглазая ворона сказала, что обычно требуются годы, чтобы изучить навыки, необходимые Джону. У него была неделя.

Зеленовидец научил его, как сосредоточиться — заклинание, которое он мог повторять, чтобы оставаться на земле. Джон мог повторять имена своих братьев и сестер, даже клятвы Ночного Дозора, чтобы сосредоточиться.

Если слишком углубиться в чужой разум, можно потерять себя, предупредил трехглазый ворон, но ему все равно пришлось наступать.

«Призрак — твой фамилляр. Вы связаны. Твой волк примет тебя, и ты примешь его. Это очень помогает, — сказал зеленопровидец. «С другими существами это будет не так просто».

— Ты имеешь в виду... обладать ими? — спросил Джон. Владение драконом .

«Вы можете доминировать над другой кожей. если вы выберете. Если ты достаточно силен, ты можешь силой подчинить другое тело своей воле, — ответил он. — Но это грубая и опасная сила. Лучшие партнерские отношения складываются, когда два разума могут прийти к соглашению, разделить тело». Его голос стал жестким. «Не каждое существо добровольно примет партнера. Если вы не можете поделиться, вам придется пересилить вас грубой волей».

« Мне действительно не нравится идея сразиться с драконом в битве воли », — сглотнув, подумал Джон.

На следующий день трехглазая ворона поручила ему переселиться в тело ворона. Это был ворон, привыкший возить пассажиров, которого много раз загоняли в него — как изношенный ботинок, как сказала ворона. Тем не менее, это была одна из самых трудных вещей, которые когда-либо приходилось делать Джону.

Ум птицы был совершенно иным, чем у волка. Волк был сосредоточенным и напористым, хищник с разумом, не слишком отличающимся от человеческого. Разум ворона казался трепещущим и мимолетным. Это было похоже на добычу. Даже когда Джону, наконец, удалось почувствовать его присутствие, он все еще не мог проскользнуть в его тело. Это было все равно, что пытаться балансировать на монете или втиснуться всем телом в перчатку.

Он чувствовал разочарование трехглазой вороны, но уроки тем не менее продолжались. Прогресс Джона был медленным.

— Как варг, ты достаточно силен, — пробормотала однажды ворона. — Но ты не зеленопровидец. Вы никогда не полетите, вы не почувствуете зелени и не обнимете деревья. Я надеялся познакомить вас с пастой из чардрева, но боюсь, что сила поглотит вас.

Джон задохнулся. Почему-то уроки медитации с гринсиром были утомительнее любого спарринга. — Тогда что я могу сделать?

"Продолжай практиковаться. Учиться. Научись использовать свои дары».

Однако это дало его телу время на восстановление. Между уроками, сидя за тронем из чардрева, Джон находил время для упражнений и спаррингов. Он тренировался с Желудем так регулярно, как только мог, заставляя себя восстанавливаться. Он пытался научиться имитировать ее движения, отчаянно пытаясь не отставать от ее скорости.

Другие тоже двигались так же быстро, вспомнил Джон. Эта мысль заставляла его все больше и больше лечиться и тренироваться.

Дети леса питались грибами, орехами и ягодами, молоком и сыром коз, которых держали в своих пещерах, даже слепой белой рыбой из подземной реки. Именно здоровое питание придавало ему силы.

Однажды Джон проснулся и обнаружил, что дитя леса стоит над ним и поет медленную, нежную песню, чтобы залечить его раны. Нога Джона уже никогда не будет прежней, но с каждым днем она становилась все лучше. Песни детей как будто лечили, придавали сил.

Сны тоже были сильнее. Здесь, внизу, у корней чардрева, сны казались сильнее, чем когда-либо. С тех пор, как зеленовидец начал уроки, сны Джона полностью превратились в сны варгов, видения из других тел.

Иногда Джону снилось, что он лютоволк. Эти сны были прохладными, сосредоточенными и обнадеживающими, как сон о старом друге. Он мечтал бегать по лесу, охотиться, ходить по мирам снега и льда.

В других случаях сны были хаотичными и интенсивными. Сны ярости — сны огня и льда, сны полета и бури. Это были сны, из-за которых он просыпался, тяжело дыша и потев. Сны были такими размытыми и свирепыми, что он не мог вспомнить ничего, кроме теней и хаоса.

Сны волка были спокойными и здоровыми. Сны дракона казались силой природы.

После одного из таких снов Джон задышался и проснулся. Он сжимал Темную Сестру, когда спал на неудобных корнях возле трона. Зеленовидец смотрел на него сверху вниз почти с любопытством. Джон протер глаза, пытаясь сосредоточиться. Джон продолжал сжимать Темную Сестру, меч чувствовал себя так комфортно в его руке.

Джон колебался, глядя на рубин на навершии. Какое-то время его что-то тяготило. — Ты веришь, что я Таргариен, не так ли? — внезапно сказал Джон тихим голосом в постоянной тьме.

Трехглазая ворона только кивнула. — Я верю, что в тебе течет кровь Таргариенов.

Джон глубоко вздохнул, пытаясь обработать это. Он дал мне бесценный меч Таргариенов, подумал Джон. Рука Джона инстинктивно потянулась к его отросшим волосам — теперь до плеч. У него тоже росла белая борода. Белый не был его естественным цветом волос, но все же именно такой цвет...

— Как это возможно? — сказал Джон. «Это означает, что Нед Старк, должно быть, родил меня от Таргариена — он воевал с Таргариеном, когда я родился».

— Не знаю, — ответил старик тихим голосом, но, как ни странно, Джон не совсем ему поверил. Иногда казалось, что зеленовидец знает все.

Джон молчал, думая о своей матери. В Старках не было крови Таргариенов, а значит, ее ему дала мать.

Мог ли мой отец действительно закрутить роман с какой-нибудь принцессой Таргариенов? Сколько женщин Таргариенов было живо во время Восстания?

Джон провел остаток дня, тренируясь с Желудем, пытаясь отвлечься от раздражающих мыслей о своем происхождении. Желудь был хорошим учителем. Джон чувствовал, как его движения становятся острее, он учится повторять танец дерева.

«Пора», — сказала трехглазая ворона после седьмого дня, когда проснулась от одного из своих многочисленных дрем. Его голос был мрачным. «Ты не готов, но выбора нет. Приближается тьма. Дракону осталось недолго.

Руки Джона сжались. — А буря?

«Оно идет на убыль, но путешествие все равно будет опасным».

— Мне понадобится верховая езда.

«Это было устроено. В лесу вас ждет большой лось. Я буду руководить ею столько, сколько смогу. Мои вороны тоже присоединятся к тебе, — сказал трехглазый ворон своим сухим, надрывным голосом.

Мысль о возвращении туда пугала его. Он до сих пор помнил ощущение ледяного лезвия, пронзающего его грудь.

«Страх ранит глубже, чем мечи», — пытался убедить себя Джон, но трудно представить, что что-то ранит глубже, чем меч Белого Ходока.

— Я пойду один? — спросил Джон после паузы.

"Да. Мне больше нечем тебе помочь, — тихо вздохнула трехглазая ворона.

— А как насчет незнакомца — покойника, который у вас работает? Он пытался не показаться трусливым, но мысль о путешествии в такие земли без компании...

— Он ушел на юг, к Стене. Там есть срочное поручение, которое он должен выполнить.

— А дети?

«Они не могут покинуть пещеры. От него зависит затяжная магия, которая защищает это место. Он звучал грустно.

Джон глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Он знал, что Призрак с каждым днем приближался к нему; они, вероятно, снова встретятся во время путешествия.

Тем не менее, только один человек и лютоволк идут навстречу дракону.

— Тогда я хочу от тебя кое-чего, — сказал Джон. «Я оставил женщину позади. Ее зовут Игритт - у нее рыжие волосы, круглое лицо, серо-голубые глаза. Ей около восемнадцати лет. Я... я не знаю, что с ней случилось, когда я ее бросил. Его глаза были жесткими. — Я хочу, чтобы ты нашел ее для меня. Я хочу, чтобы ты присмотрел за ней, направил ее на юг.

Зеленопровидец звучал неодобрительно. — Ты не можешь позволить себе отвлекаться на такие вещи, Джон, — предупредил он. «Путешествие, в котором вы находитесь, не оставляет места для любви — у вас есть долг».

«У меня тоже есть долг перед ней. Защити ее.

Он сделал паузу. «Тогда я бы тоже взял с тебя обет, Джон», — сказал трехглазый ворон, понизив голос. «Вы должны сделать все, что в ваших силах, чтобы сразиться с Долгой Ночью. Как бы ни было неприятно, какой бы ценой это ни было — ты сделаешь все, что должен, чтобы бороться за рассвет. Я хочу, чтобы ты поклялся, Джон Сноу. В обмен на мою помощь ты должен поклясться в этом.

Джон глубоко вздохнул. — Да, — сказал он. "Обещаю."

"Хороший. Ты варг, — тихо сказала трехглазая ворона. «Используй эту силу. Вы должны принять это. Примите то, кто вы есть, и используйте это».

Лицо Джона слегка дернулось. «Мне однажды сказали, что это колдовство похоже на меч без рукояти. Нет безопасного способа схватить его».

— Ты бы предпочел вообще не иметь меча? — ответил зеленовидец. «Да, будет больно. Такие люди, как мы, должны терпеть боль, чтобы никому больше не пришлось. И если ты не размахиваешь им, если ты не чувствуешь его хватку, то становится еще больнее, когда тебе, наконец, приходится».

Единственный красный глаз сосредоточился на нем. — Взмахни мечом, Джон Сноу, — прошептал он. «Взмахни мечом и взмахни им по-настоящему».

Джон ушел очень рано утром. Солнце было едва красноватой полоской над горизонтом. Он хотел провести целый день в путешествии до наступления темноты.

Выйдя из пещеры, он впервые за неделю увидел солнце. Он чувствовал себя почти как другой

человек, чем тот, что ввалился туда.

Дети сшивали его испорченную кожу земляными волокнами, сотканными из деревьев. Они дали ему меха, сделанные из шкуры, которую Джон не мог определить, но он наполовину подозревал, что это была гигантская шкура. На нем были кожаные сапоги для верховой езды, кожаные сапоги и ремень, от которых до сих пор пахло мускусным запахом пещеры, а в седельных сумках лежали пайки и припасы на долгий путь. Все, от кожи до меха, казалось странным и чуждым — хорошо сложенное и крепкое, но также странное и бесчеловечное, изготовленное невиданным ранее способом из материалов, которые мужчины редко использовали.

Джон долго смотрел на свой плащ. Ему дали черный плащ, который когда-то мог принадлежать рейнджеру Ночного Дозора, но был залатан и сшит коричневыми нитками из корней. Черный с пестрыми коричневыми пятнами.

В одной руке он держал деревянный посох, чтобы помочь ему ходить с больной ногой. Джон держал Темную Сестру на своем бедре. Дети леса также предоставили небольшой короткий лук из чардрева, скорее охотничий лук, чем длинный лук, а также двадцать стрел с наконечниками из драконьего стекла.

«Используй драконье стекло или драконью сталь на Других», — помнил он, проинструктировал его трехглазый ворон. — И стреляй по тварям. Следуй за воронами так долго, как сможешь, — я проведу тебя сквозь них».

Верный слову зеленопровидца, когда Джон ушел, в снегу у подножия холма пасся большой лось. Лось смотрел на него черными глазами, понимающим взглядом. Когда он приблизился, лось даже опустил свое тело, чтобы помочь Джону перебраться на его широкую спину, подняв его на два метра над землей. В лосе было что-то от зеленовидца, понял Джон. Зеленовидец использовал своего собственного варга, чтобы направлять существо.

Из мертвого чардрева вырвался карканье. Стая воронов взлетела в воздух, кружась в небе. Некоторые из них остановились, чтобы сесть на рога лося, а другие улетели вдаль.

Незнакомцу потребовалось две недели, чтобы донести меня до пещеры из северных пустошей, со вздохом подумал он. На этот раз я должен показать лучшее время.

Он легонько лягнул пятками, и лось побежал быстрой рысью. Назад к горам и дальше.

Джон встретился с Призраком на второй день. Наблюдать, как гигантский лютоволк приближается к нему из-за горизонта, было все равно, что снова увидеть своего лучшего друга. Призрак был могущественным хищником, но на мгновение он тяжело дышал, заскулил и прыгнул к Джону, словно снова стал щенком.

Они мчались через леса и уже направлялись через горный перевал — на территории, которая когда-то была теннской территорией. Джон постоянно ехал всю первую ночь, но во вторую ночь ему пришлось остановиться, чтобы дать лосю время отдохнуть.

Он расположился лагерем у старых руин, наполовину утопающих в горе. Камни выглядели древними, каменные плиты, сглаженные временем, похожие на строения, которые он видел в Кулаке Первых Людей. Старые руины Эпохи Рассвета, в конце концов решил Джон, хотя было трудно представить себе какое-либо сооружение, когда-либо построенное так далеко на севере.

«У За-Стены много истории», — подумал Джон с чем-то почти приближающимся к печали. Это

была суровая земля, но богатая по-своему. Здесь была история, уходящая в прошлое на тысячи лет, история, которую остальной мир никогда не знал.

И если бы Другие добились своего, все эти земли были бы потеряны, а их люди были бы забыты.

Вечер был временем затишья. Небо было закрыто тонкими ледяными облаками, но он все еще мог видеть мерцание северного сияния, яркое и прозрачное в темноте. Джон убаюкивался в руинах, глядя на горы, пока караулил. Он знал, что ему нужно поспать, но было трудно даже закрыть глаза. Его разум, его тело, все это было таким напряженным. Один в заброшенной, заброшенной пустыне, по которой теперь ходили только мертвые.

Призрак тихонько дремлет, перекинувшись через его ноги. Джон отсидел полчаса, когда почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Над ним каркал в небе один из воронов.

Его рука инстинктивно потянулась к Темной Сестре, но это была угроза другого типа. Не Другие. Призрак быстро проснулся, лютоволк рычал, шагая по снегу.

Еще одно рычание ответило лютоволку. Глубокий, низкий, хриплый рык, почти рычание, пронзило воздух.

Джон посмотрел вверх, на скалы над ним. В темноте были желтые глаза, отражавшиеся в черном. Не мигая, они смотрели на него из темноты.

Призрачный кот рыскал по камням над ним. Должно быть, он пытался устроить им засаду, пока вороны не закаркали в тревоге. Он двигался бесшумно, стекая по склону горы, как жидкий дым.

Кот был худой, темный и мускулистый. Его мех был черным как смоль с белыми полосами, которые, казалось, легко сливались с тенями. Его ярко-желтые глаза смотрели на Джона, и они были голодны.

Большинство призрачных котов старались избегать мужчин, но Джон предположил, что одинокий человек и лось должны казаться заманчивой добычей. Призрак зарычал на кошку, которая остановила свой спуск со скал. Возможно, призрачный кот голодал, подумал Джон, а может быть, он просто был храбрее большинства.

Джон смотрел на зверя несколько ударов сердца, медленно отводя руку от Темной Сестры.

Взмахни мечом, сказала трехглазая ворона.

Джону нужно было научиться использовать эту силу. Он видел армию нежити и знал, что ему понадобится любое оружие, которое он сможет найти, чтобы победить их. Почти не сомневаясь, Джон закрыл глаза, сосредоточился на призрачном коте и расширил свой разум.

Он почувствовал, что прикасается к присутствию призрачного кота. Тотчас же отскочил и завизжал.

Боль пронзила Джона, пронзая его голову. Как будто он только что попытался схватить кошку, а кошка вцепилась в него когтями. Джон хмыкнул, но попытался сосредоточиться и продолжал нажимать.

Призрачный кот взвыл от боли и шока, его глаза внезапно обезумели. Он снова вскочил на

корточки, дергаясь и воя. Это отняло у Джона всю концентрацию, пока оно протестовало, билось и рычало.

Кошка-призрак казалась такой непохожей на Призрака. Он был острым и колючим, как злобный кинжал. Это было жестоко, гордо и тщеславно. Оно злилось. Ненавистный.

Казалось, что Джон ступил на самую драгоценную кошачью территорию. Призрачный кот не хотел делиться своим телом, он чувствовал себя слишком независимым. Вместо этого он царапал и боролся всеми фибрами своего существа.

Джон поморщился. Возможно, ему следовало отступить, но вместо этого ему нужно было двигаться вперед. Это было похоже на спарринг; это было больно, но ему нужно было преодолеть это. Если я не могу воевать с кошкой, то как я вообще буду обращаться с драконом?

Призрачный кот чуть не взвыл от ярости. Его тело напряглось, и он собирался физически броситься на Джона, но вдруг с неба слетелись вороны. Птицы клевали ему глаза, дезориентируя его настолько, что Джон мог надавить чуть сильнее.

Джон почувствовал, как теневой кот лопнет. Внезапно его мир изменился.

Он был внутри шкуры призрачного кота, глядя на себя глазами кота. В его ночном видении не было цвета, но тени исчезли, и все стало четким, резко контрастирующим белым и черным. Джон чувствовал боль на его лице, когда вороны клевали его, но затем, когда контроль Джона усилился, они разбежались. Вороны улетели, отступив к ближайшим деревьям.

Призрачный кот уставился на Джона. Он мог видеть и даже обонять собственное тело кошачьими органами чувств. Он был похож на человека — слабого, язвительного, уязвимого и в то же время опасного.

Убей, атакуй, беги. Джон чувствовал, как его инстинкты выкрикивали приказы — настолько сильно, что его тело дернулось, — но Джон подавил эти приказы. Вместо этого, почти нерешительно, Джон поднял лапу, ощупывая свое новое тело. Он должен был управлять телом призрачного кота с железной волей — что-нибудь меньшее, чем полный контроль, и кот вырвется на свободу.

Призрачный кот чувствовал себя поджарым и сильным. Меньше, чем Ghost, но намного быстрее. Острые когти вонзились в скалу. Она, внезапно понял Джон. Shadowcat — женщина.

Легко согнувшись, призрачный кот спрыгнул на землю. Призрак все еще рычал. Призрачная кошка хотела убежать, спрятаться, но вместо этого Джон приказал ее телу сесть. Призрачный кот боролся с ним на каждом шагу. Через чувство варга он чувствовал ее гнев, ее страх, все ее эмоции. Это было так сильно, что было больно.

Быть здесь — на земле, на виду у человека и волка — заставило все ее инстинкты закричать. Это было настолько противно ее натуре, что она дрожала, широко распахнув желтые глаза.

Медленно, осторожно Джон втянул себя обратно в свое тело. Он чуть не упал, когда почувствовал, что стоит на двух ногах. Тем не менее, Джон не мог позволить себе полностью разорвать связь с призрачным котом. Он не смотрел прямо ей в глаза, но он все еще держал ее на поводке. Как будто я в двух телах одновременно, подумал Джон с болезненным вздохом.

Это было утомительно. Джон вспомнил Варамира Шестикожего с его шестью разными телами. Черт, как Варамиру удалось совладать с ними всеми?

Варамир, должно быть, был очень искусным и сильным, чтобы воевать сразу с шестью телами. Тем не менее, судя по тому, что мог сказать Джон, трехглазая ворона была способна сражаться по меньшей мере с двумя дюжинами существ на расстоянии миль. Джон начал понимать, что трехглазая ворона обладает силой совершенно иного масштаба, чем все, что он мог себе представить.

Призрак все еще рычал и щелкал. — Ложись, Призрак, — успокоил его Джон, все время не сводя глаз с призрачного кота. Ее желтые глаза выглядели абсолютно ненавистно.

Призрак неуверенно отступил. Джон подошел к призрачному коту, протянув руку.

— Полегче, девочка, полегче, — пробормотал он, коснувшись ее меха. Инстинктивно она хотела укусить, но Джон подавил эту реакцию. «Я не собираюсь причинять тебе боль, я не собираюсь причинять тебе боль...»

Все ее тело содрогнулось от ощущения ее прикосновения. Джону потребовались все силы, чтобы заставить ее оставаться на месте. Черно-белый мех теневого кота был густым и мягким.

На какое-то время Джон замолчал. Кошка-призрак все еще пыталась сопротивляться и огрызаться, но Джон чувствовал себя хорошо и по-настоящему у нее под кожей. Кошку будет не так легко контролировать, как волка, решил он. Призрак мог принять его, но инстинктивно знал, что призрачного кота всегда придется заставлять.

Джон смотрел в сияющие желтые глаза, гадая, что делать дальше. Долгое время он размышлял о том, чтобы убрать кошку и отпустить ее. Он не сомневался, что она сбежит, как только сможет.

Нет, решил Джон. Это бесполезно.

Ему нужно было научиться контролировать себя, и призрачный кот был хорошей практикой. Она заставила Джона проявить свои силы, и Джону нужно было больше узнать о варге. Ему нужно было узнать, как долго он сможет поддерживать свои силы, как долго продлится связь. Ему нужно было слишком многому научиться, и он мог учиться только на практике.

Джон не смог бы так тренироваться на Призраке. Лютоволк был его частью, как и Призрак; они были так близки, что не было никаких трудностей, не было нужды в сдержанности или борьбе.

Кроме того, тихо подумал Джон, теновой кот полезен. Он не мог придумать ни одного животного, которое могло бы так же хорошо разведать каменистую горную тропу.

— Прости, девочка, — прошептал он. — Мне придется использовать тебя еще немного...

Медленно Джон занял позицию. Он наклонился к земле, прислонившись к камням, но все время смотрел в глаза призрачному коту. Он позаботился о том, чтобы не разорвать связь, как будто между ними была невидимая, хрупкая связь.

Была одна вещь, которая беспокоила его. «У кота нет имени», — подумал Джон. Если я собираюсь использовать ее, она заслуживает имя.

Он едва успел подумать об этом, прежде чем один пришел к нему. Черный мех, почти незаметный в ночи. — Призрак, — шепотом объявил Джон. «...Знакомьтесь, Фантом».

С этими словами тело Джона обмякло, когда он наконец позволил себе уснуть. Фантом оторвался от земли и быстро отпрыгнул. Остаток ночи Джон провел во сне, а его разум блуждал по склону горы в теле призрачного кота.

<http://tl.rulate.ru/book/79218/2395261>